

**«ВСЕ СТИХИИ ПРОШЛОГО»
В ПОЭМЕ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ «АТТА ТРОЛЬ»**

Статья посвящена анализу трех романтических глав в поэме Генриха Гейне «Атта Троль». Материалом исследования являются два фольклорных праздника: Вальпургиева ночь в изображении Гёте и ночь накануне Ивана Купалы у Гейне. Показано, что живой иронический взгляд, близость к народному юмору характерны для обоих немецких поэтов. Гейне продолжает линию, намеченную Гёте. У него объектом изображения является евангельское предание об усечении головы Иоанна Крестителя. Причина трагедии по Гейне – фатальная любовь Иродиады к пророку. Романтическая трактовка библейского сюжета, основанная на народных легендах, оказала безусловное влияние на восприятие его последующими авторами, обратившимися к истории Иродиады, Саломеи и обезглавливания Иоанна. В народном сознании под именем царицы (или богини) Иродиада становится одной из предводительниц ведьм. Мефистофельская ирония, очевидно, проявляется в изображении трагической участи царицы Иудеи из Нового Завета, образ которой, безусловно, романтический.

Гейне, Гёте, Вальпургиева ночь, Иванов день, народные легенды, романтическая поэзия, Иродиада, Иоанн Креститель, Баубо, Абунда.

Среди многочисленных трактовок библейских легендарных образов Иоанна Крестителя, Ирода Антипы, Иродиады и Саломеи, будь то в поэтических жанрах, рассказах, романах, одной из первых называют поэму Генриха Гейне «Атта Троль». Но, соглашаясь с этим мнением, Энтони Пим, например, полагает, что Гейне сам заимствовал библейские образы у итальянского писателя С. Пеллико¹. Действительно, пятиактная трагедия Сильвио Пеллико «Иродиада» была опубликована в Милане в 1832 году. Но в ней в основном речь идет о взаимоотношениях Иродиады и Ирода Антипы, а Саломея представлена как подросток в возрасте 10–12 лет. Вряд ли это сочинение представляло какой-то интерес для поэта.

В поисках влияний нередко обращают внимание на художников, чьи картины могли произвести сильное впечатление на поэтов или прозаиков. Так, Барбара Нелл без колебаний утверждает, что Гейне был очарован картиной Поля Делароша (1843), изобразившего «самую восхитительную» Иродиаду². О четы-

¹ Pym A. The Importance of Salome: Approaches to a Fin de siècle theme. URL : <http://www.jstor.org/stable/41345555>.

² Nell B. Salome and Herodias, a curious Mother's Day Story. URL : <http://www.EzineArticles.com/?Expert=BarbaraNell>.

рех картинах Делароша Гейне написал в статье «Французские художники», посвященной парижской художественной выставке, «Салону» 1831 года. Здесь он называет его «грациозным, изысканным фламандцем»³. Еще раз Гейне вспоминает Делароша в письме из Парижа от 19 декабря 1841 года: «Удивительное пристрастие, даже идиосинкразия проявляется у Делароша в выборе сюжетов. Всегда у него – высокие особы, которых или казнят, или же, по меньшей мере, отдают в руки палача. Г-н Деларош – придворный живописец всех обезглавленных величеств»⁴. Можно сказать, что Гейне пророчествует появление картины «Иродиада», но, поскольку она была представлена публике в 1843 году, то никак не могла повлиять на создание поэмы.

В предисловии к поэме, датированном декабрем 1846 года, Гейне утверждал, что ««Атта Троль» была написана поздней осенью 1841 года»⁵. В действительности, как можно судить по письмам поэта, он приступил к работе над этим сочинением год спустя. «Гейне, – отмечает В.А. Пронин, – умышленно сдвинул даты, желая тем самым подчеркнуть, что поэма возникла как отклик на ту травлю, которая началась сразу после появления книги “Берне”»⁶. Первый вариант поэмы печатался в литературном журнале «Мир изящного» с января по март 1843 года. Отдельное, переработанное издание увидело свет в январе 1847 в Гамбурге, а в марте того же года «Обозрение Старого и Нового света» публикует поэму в переводе на французский язык. С этой даты можно начинать поиски произведений, попавших под влияние романтической поэмы Гейне. На французском языке написаны наиболее значимые произведения, в основу которых был положен в большей или меньшей степени переработанный библейский сюжет. Достаточно вспомнить драматическую поэму С. Малларме «Иродиада: Сцена», повесть Флобера «Иродиада», трагедию Оскара Уайльда «Саломея».

В письме к издателю Генриху Лаубе от 20 ноября 1842 года Гейне, говоря об «Атта Троле», подчеркивает: «В этой второй части я пытался возродить старую романтику, которую сейчас хотят до смерти забить дубиной, но возродить ее не в мягкой, музыкальной манере старой школы, а в предельно дерзкой форме современного юмора, который может и должен воспринять в себя *все стихи прошлого*» (выделено нами. – В.Р.)⁷.

Опираясь на легендарный материал, Гейне создает фабулу, одновременно шокирующую и трогательную читателя. Поэт среди тех романтиков, которые считают ужас источником прекрасного, он – за единение удовольствия и страдания. Как истинный романтик, Гейне понимает очарование большого преступления, но чаще всего или обычно соотносит это с миром привидений и сновидений.

Вряд ли можно согласиться с К.Н. Савельевым, который в монографии «Литература английского декаданса: истоки, генезис, саморефлексия» пишет: «Большинство литературных версий библейской легенды, весьма популярных во

³ Гейне Г. Французские художники // Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959. Т. 5. С. 215.

⁴ Гейне Г. Салоны // Там же. Т. 8. С. 157.

⁵ Гейне Г. Атта Троль. Сон в летнюю ночь / пер. с нем. П.М. Карпа. Л. : Наука, 1978. С. 7–8.

⁶ Пронин В.А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция. М. : Наука, 2011. С. 169.

⁷ Генрих Гейне – Генриху Лаубе, 20 ноября 1842 г. // Генрих Г. Собр. соч. Т.10. С. 134.

Франции на протяжении всего XIX века, восходят к поэме Генриха Гейне «Атта Трель» (1841). В ней Иродиада проходит через потрясение от казни пророка, которым была страстно увлечена. Но казнь совершилась не по ее вине, и она в отчаянии сжимает отрубленную голову Иоанна»⁸. Если непосредственно обратиться к содержанию глав с 18-й по 20-ю, посвященных Иродиаде, то оказывается, что у Гейне именно Иродиада является виновницей гибели Иоанна, и она не сжимает в отчаянии голову пророка, а играет ею, подбрасывая в воздух, как дитя мячик, ловит и целует. В отличие от Делароша, чья «Иродиада» представляет умиротворенную женщину, добившуюся своего, заставившую пророка замолчать, и в отличие от женщины, которая «в отчаянии сжимает отрубленную голову Иоанна», Гейне представляет романтическую фатальную красавицу, воплощающую иррациональную страсть, красоту и преступление, желание и порочность. К тому же не следует забывать, что ирония во многом определяет своеобразие трактовки евангельского образа. В этих сценах отчетливо просматривается романтическая тенденция творчества автора, который сам отметил в заключительной песне поэмы (ст. 2216, 2217, 2220, 2221):

Да, приятель, это песня
О мечте давно разбитой,
.....
Здесь кончается лесная
Песнь романтики свободной!

Два источника влияния на создание поэмы «Атта Трель» отмечены самим Гейне, и они бросаются в глаза. Это комедия В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и «Фауст» Гёте. Как отмечает В.А. Пронин, «Шекспир и Гёте, с которыми он дерзает стать на короткую ногу, избраны автором в союзники. У Шекспира Гейне заимствует подзаголовок поэмы – «Сон в летнюю ночь... Читая «Атта Троля», нельзя не вспомнить «Вальпургиеву ночь» из «Фауста»⁹. Это действительно так.

В трагедии Гёте «Фауст» и поэме Гейне «Атта Трель» представлены два фольклорных праздника. Первый – Вальпургиева ночь (с 30 апреля на 1 мая): «Уж дышит по-весеннему береза / И даже веселее ель глядит»¹⁰. Второй – ночь накануне Ивана Купалы (24 июня, дата Рождества Иоанна Крестителя): «Это в пору полнолуныя / В ночь Иванову случилось»¹¹.

В литературном комментарии к «Фаусту» А. Аникст писал: «В древних языческих верованиях ночь на первое мая была праздником весны и свободного сочетания юношей и девушек. В Древней Руси это празднество называлось но-

⁸ Савельев К.Н. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление. Магнитогорск, 2007. С. 208.

⁹ Пронин В.А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция. С. 17.

¹⁰ Гёте И.В. Фауст : трагедия // Гёте И.В. Фауст : трагедия ; Страдания юного Вертера : роман / пер. с нем. Б. Пастернака. М. : Эксмо, 2007. 640 с.

¹¹ Гейне Г. Атта Трель.

чью на Ивана Купалу»¹². Однако следует иметь в виду, что существуют два разных народных празднества. Если святая Вальпургия заняла место первомайских весенних гуляний, то ночь на Ивана Купала изначально связана с библейской легендой, рассказывающей об усечении головы пророка. О популярности праздника Святого Иоанна свидетельствует то, что он один из немногих, посвященных дню рождения святого, а не его смерти. Впрочем, если римская католическая церковь день гибели Иоанна относит на 29 августа, то народные легенды максимально приблизили ее к праздничному дню рождения и считают, что событие произошло 23 июня (7 июля по новому стилю).

Оба празднества – время шабаша ведьм, оборотней, колдунов. На Брокен – место пребывания Уриана, ведьмы летят по воздуху: «Козлы и всадницы смердят». В первом стихе «Вальпургиевой ночи» Мефистофель предлагает Фаусту: «Ты б не прельстился добрым метловищем? // А я бы прокатился на козле».

Гёте дает следующее вступление к описанию Вальпургиевой ночи:

И все ближе, ближе вой,
Улюлюканье и пенье
Страшного столпотворенья,
Мчащегося в отдаленье,
На свой шабаш годовой.

Гейне также рисует похожую картинку при описании легендарной дикой охоты:

Свист бичей, ура и браво!
Конский храп и лай собачий!
Рог охотника и хохот!
Сразу эхо отзывалось!

Внешне и на том, и на другом празднестве доминируют женские персонажи. У Гёте: «На старых ведьмах домино, / Молоденькие же раздеты». У Гейне вместо ведьм выступают нимфы:

Бесподобны были нимфы
Стройные и молодые.
По-мужски в седле сидели
Нагишом, согласно мифам,
Лишь распущенные косы,
Как плащи их прикрывали.

Среди других нечистей перед Фаустом во время восхождения на Брокен и пребывания там предстают три персонифицированных мифологических и ле-

¹² Аникст А.А. «Фауст» Гёте : литературный комментарий. М : Просвещение, 1979. С. 191.

гендарных образа. Первый из них – Баубо: «Старуха Баубо мчит к верхушке / Верхом на супоросой хрюшке». Гёте неслучайно помещает ее на свинью – символ греха и морального разложения, символ нечистых желаний¹³. К тому же, по версии одного из мифов, муж Баубо был свинопасом.

Согласно популярным версиям мифа о Деметре, Баубо – старая няня (нередко ее имя переводится как «старая карга», жительница Элевсин), которая заставила богиню выпить ячменного отвара и развеселила ее не совсем приличными шутками и жестами, в то время когда она в глубокой печали искала свою дочь Персефону. В элевсинских мистериях с их мистическими обрядами Баубо (второй перевод ее имени «толстобрюхая») – бесстыдная богиня, признающая целительную силу смеха, любящая шутки, непристойности, сторонница сексуальной свободы, «чудовище с пастью-утробой»¹⁴. На грани неприличия представлен разговор во время танца Мефистофеля и старой ведьмы (Баубо ?):

М е ф и с т о ф е л ь

Я видел любопытный сон.
Ствол дерева был расщеплен.
Такою складкой шла кора,
Что мне понравилась дыра.

С т а р у х а

Любезник с конскою ногой,
Вы волокита продувной.
Готовьте подходящий кол,
Чтоб залечить дуплистый ствол.

Баубо нередко считают дочерью Пана, отсюда ее бессмертие. У Гёте она предводительница ведьм:

Колдунье и свинье почет,
Вперед за бабкою, вперед!
Всей кавалькадой верховых,
Чертовок, ведьм и лешачих.

Следующая, кто предстает перед глазами Фауста и Мефистофеля, прекрасная и соблазнительная Лилит:

Первая жена Адама.
Весь туалет ее из кос.
Остерегись ее волос:
Она не одного подростка
Сгубила эту прической.

¹³ Словарь символов / авт.-сост. М.В. Адамчик. Минск : Харвест, 2010. С. 167.

¹⁴ Киньяр П. Секс и страх. СПб. : Азбука-классика, 2004. С. 228.

Отметим, что в сцене «Классическая Вальпургиева ночь» появляется Эмпуза. Эмпузы – соблазняющие женщины-демоны, известные как «дети Лилит». Считалось, что у них ослиные ноги, потому что осел символизировал разврат и жестокость. У Гёте читаем:

Я тетушка твоя Эмпуза
С ослиною ногой кургузой.
Хотя ты с конскою ногой,
Привет тебе племянник мой.
.....
Я превращаться мастерица...

Роберт Грейвс пишет: «Лилит была Гекатой ханаанеян. Они (дочери Гекуты-эмпус) могли становиться прекрасными девушками, коровами или суками потому, что сука-Геката, будучи одной из богинь лунной триады, представляла ту же богиню, что и Афродита, и волоокая Гера»¹⁵. Гёте не подчеркивает эти качества Лилит. У него первая жена Адама вспоминает Эдем:

Вам Ева-мать внушила страсть
Рвать яблоки в садах и красть.
По эту сторону плетня
Есть яблоки и у меня.

В финале сцены «Вальпургиева ночь» перед Фаустом и Мефистофелем возникает третий, названный по имени персонаж – призрак с характерным шрамом на шее:

Как ты бела, как ты бледна,
Моя краса, моя вина!
И красная черта на шейке,
Как будто бы по полотну
Отбили ниткой по линейке
Кайму, в секиры ширину.

Для Фауста – это Гретхен. Согласно Мефистофелю, выразителю скепсиса и иронического подхода к людским трагедиям, без голов оставались многие, и начало этого можно видеть в греческом мифе о Горгоне Медузе. Гёте идет здесь на рискованную бурлескную выдумку:

Ей голову срубил Персей,
Она снимается, как крышка,
Для обезглавленной ловчей
Брать иногда ее под мышку.

¹⁵ Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. Лукьяненко. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 275.

Гёте шутливо обращается с классическим мифом, в котором, после того как голова Медузы была отрублена Персеем, из ее тела возник крылатый конь Пегас, ставший любимцем муз. После его удара копытом забил источник, дающий вдохновение поэтам. (Отметим, что в Евангелиях от Матфея и Марка по требованию дочери Иродиады голова Иоанна должна быть принесена ей на большом серебряном блюде, в то время как голова Медузы была помещена на эгиде Афины Паллады).

Когда речь идет об обезглавливании и обезглавленных, вспоминаются Олоферн, чью голову отрубила Юдифь, Бертран де Борн, который, находясь в девятом круге ада в «Божественной комедии» Данте, несет перед собой свою голову и держит ее в руке как фонарь. Согласно одной из легенд первый епископ Парижа Дени, после того как был казнен, поднялся, чтобы взять в руки свою отрубленную голову. Святой Дени обычно изображался с собственной головой в руках.

У Гейне в «Атта Троле» перед поэтом предстают также три женских образа. Первый – предводительница «дикой охоты» Диана. Описание ее внешности соответствует роли, которую она исполняла в классической мифологии:

Я легко узнал богиню
.....
Лик ее, как мрамор белый,
Был и холоден, как мрамор,
И безжизненно-бескровны
Благородные черты.

Со свойственной ему иронией Гейне повествует о том, что когда-то целомудренная Диана изменила своим убеждениям. Она жаждет близости с мужчинами, но тех истинных героев, которые были в древности, теперь нет, и похотливое вождение она удовлетворяет со многими:

Хоть не в срок, но тем сильнее
Пробудилось вожденье,
И в очах оно пылает
Истинным огнем геенны.
Сколько времени пропало!
Как испортились мужчины!
Лишь количеством, пожалуй,
Качество ей возместится.

Диана (Артемиды) – богиня охоты и девственности «Однако девственность не единственная отличительная черта Артемиды Олимпийской, – пишет Роберт Грейвс. – В других местах, например в Эфесе, ей поклонялись в ее второй ипостаси – как нимфе, то есть оргиастической Афродите с мужским консортом...»¹⁶.

Он же пишет: «Артемиды, первоначально бывшая оргиастической богиней, имела в качестве священной птицы похотливую перепелку»¹⁷. Следует отметить,

¹⁶ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 70.

что начиная с X века по Европе широко распространились легенды, где Диане отводилась роль ведущей на женских собраниях, включающих в себя пиршества, танцы и сексуальное раскрепощение. В этих легендах присутствует и Иродиада, выступающая как символ распушенности. И Диана, и Иродиада совершают ночные конные прогулки в сопровождении верующих в них женщин. Характерно, что и Диана, и Иродиада крайне жестокие. Достаточно вспомнить миф об Актеоне, который был превращен Дианой в оленя и растерзан собственными собаками.

Вальтер Скотт в «Письмах о демонологии и колдовстве» (1830) отмечает, что в Италии существуют поверья о ведьмах, «выстраивающихся в боевой порядок по приказам Дианы и Иродиады, которые были предводителями их войска»¹⁸.

«С наибольшим ожесточением обрушился мрачный бред монахов на бедную Венеру... – пишет Гейне в работе «К истории религии и философии в Германии». – Даже бедной Диане, несмотря на все ее целомудрие, не удалось избежать подобной же судьбы, и ее заставили проноситься ночами вместе с ее нимфами по лесам, и отсюда явилось сказание о неистовом воинстве, о дикой охоте»¹⁹.

Вместе с ней скачет фея Абунда, второй женский персонаж с острова Аваллон, где находят покой души мертвых героев, где, как писал Гейне в очерке «Духи стихий», «в стране фей, в Аваллоне, несчастные рыцари вновь находят своих возлюбленных... Здесь и датчанин Ожье может отдохнуть от богатырских странствований в объятиях своей Морганы»²⁰. Абунда нежно улыбается и весело смеется:

Рот ее раскрыт сердечком,
Зубы – просто загляденье.
Ветер без ночной рубашки
Норовил ее оставить –
И во сне-то мне не снилось
Увидать такие плечи.

Выдерживая иронический тон, Гейне вводит в рассказ лирическое Я, собственные воспоминания об одном, не совсем приятном эпизоде, когда на его признания в любви прозвучал запомнившийся на всю жизнь женский смех:

Чуть в окошко я не прыгнул,
Чтобы с ней поцеловаться,
Обошлось бы это скверно –
Я себе свернул бы шею.
Но она бы хохотала,
Если б я свалился в пропасть
Весь в крови, к ногам прелестным...
Я-то знаю этот хохот!

¹⁸ Скотт В. Письма о демонологии и колдовстве. М. : Эксмо, 2002. С. 106.

¹⁹ Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Собр. соч. Т. 6. С. 28.

²⁰ Гейне Г. Духи стихий // Там же. С. 287.

Гейне специально подчеркивает, что христиане устроили гонения на народные верования. В том же очерке «Духи стихий» он писал: «Они [первые христиане] предпочитали мученичество необходимости совершить ничтожнейший обряд преклонения перед дьяволом Юпитером, или дьяволицей Дианой, или, наконец, перед архидьяволицей Венерой»²¹. В «Атта Троль» читаем:

Уверяют, что в Романье
Под развалинами храма
Укрывается Диана
От дневной Христовой власти.

.....
Точно так же и Абунда,
Опасаясь назарейн,
Целый день на Авалуне
В безопасности проводит.

.....
До него не достигает
Нудный, мертвенный, угрюмый
Бум-бум-бум, звон колокольный,
Ненавистный добрым феям.

«Все эти радости, – пишет Гейне в «Духах стихий», – весь этот веселый смех давно отзвучал, и в развалинах древних храмов, по народному верованию, все еще проживают древнегреческие божества, но победа Христа лишила их всей их мощи; это жалкие бесы, днем гнездящиеся среди сов и жаб в темных развалинах своего бывшего великолепия, ночью же выходящие оттуда в соблазнительном облике, чтобы обмануть и заманить какого-нибудь неосторожного путника или бесшабашного смельчака»²². И здесь же он отмечает: «Вопрос стоял кому властвовать в этом мире – мрачному, тощему, враждебному плоти, сверхдуховному иудаизму назарейн или эллинской веселости, любви к красоте и цветущей жизнерадостности»²³.

Как уже отмечалось, в девятнадцатой главе Гейне представляет трех женщин, вид которых глубоко взволновал его. Одна из них Иродиада, жена Ирода Антипы. Она обворожительна, она кивнула зрителю процессии «томно и задорно, так что сердце задрожало». У Гейне Иродиада – романтическая героиня, знойная женщина Востока:

Лик болезненный и знойный
Дышит чарами востока,
А наряд богат и пышен,
Точно в сказках Шахразады.
У нее гранаты – губы,
И с горбинкой нос лилейный,
Стройный стан дарует свежесть,
Словно пальма среди пустыни.

²¹ Гейне Г. Духи стихий. С. 316.

²² Там же. С. 317.

²³ Там же.

Поэт, подобно Гёте, создает бурлескный образ. Он, очевидно, эпатирует читателей, знакомых с библейским преданием. Царица играет отрубленной головой пророка словно мячом, подбрасывая ее вверх, а затем ловит и безумно целует. Гейне пишет:

Ангел, черт ли – я не знаю,
Но ведь именно у женщин
Никогда не знаешь толком,
Где в них ангел, где в них черт.

Гейне завершает эпизод с Иродиадой, провозглашая ее смерть как результат безумной любви. И тут же добавляет:

Зарыдала и угасла,
Спятив от любви безумной.
(Плеоназм – «любви безумной»),
Ведь сама любовь – безумство).

Она выступает в роли фатальной женщины, подобно Адельгейде у Гёте. В Библии нет указания на любовь царицы, но Гейне опирается на народные сказания:

Был пророк любим царицей, –
Хоть молчит о том писанье,
Но идет молва в народе
О кровавой этой страсти.
.....
Если женщина не любит,
Что ей голова мужчины?

По одной из легенд, после того как Саломее передали голову Иоанна на блюде, она раскаялась и стала оплакивать его. В это время из уст Крестителя вырвался мощный вихрь, поднявший танцовщицу в воздух, где она осуждена находиться вечно, до конца света. Впрочем в художественной литературе существуют разные трактовки конечного прощения Иродиады.

Романтическая трактовка библейского сюжета, основанная на народных легендах, оказала безусловное влияние на восприятие его последующими авторами, обратившимися к истории Иродиады, Саломеи и обезглавливания Иоанна. Этому способствовало и то, что в 1847 году сатирическая поэма опубликована в переводе на французский язык.

Почти в это же самое время вышел в свет «Агасфер» Эжена Сю, который печатался в газете фельетонами с 25 июня 1844 года по 12 июля 1845 года. Напомним, что в «Газете для любителей изящного» с 4 января по 8 марта 1843 года издавался «Атта Троль». Одним из персонажей романа является Иродиада. По мнению Эжена Сю, она, как виновница усечения головы Иоанна, была нака-

зана вечными странствованиями. В романе Иродиада представлена в тот момент, когда получает прощение и начинает стареть. Это происходит у руин монастыря Усекновения главы Иоанна Предтечи, выстроенного в память этого святого. Здесь расположена мрачная статуя «обезглавленного человека в длинной античной тоге, с блюдом в руках; на блюде лежит голова – его собственная голова. Эта статуя изображает мученика Иоанна, обезглавленного по приказанию Иродиады»²⁴.

Эжен Сю следующим образом описывает последний день Иродиады: «Она увидела, что постарела... В несколько дней, часов, минут, может быть, сейчас, в этот миг... она достигла старости... Она, которой свыше восемнадцати веков назад было двадцать лет и которая влачила через миры и поколения невянущую молодость, она постарела... И ее глаза остановились на статуе обезглавленного Иоанна... Голова, которую мученик держал в руках, казалось, сквозь полусомкнутые каменные ресницы посылал скитающейся еврейке взгляд, полный жалости и милосердия... И это она... Иродиада... потребовавшая среди нечестивого опьянения языческого пира казни этого святого!..»²⁵.

В народном сознании под именем царицы (или богини) Иродиада становится одной из предводительниц ведьм. В очерке «Духи стихий» Гейне писал: «Во времена язычества именно о королевах или знатных дамах говорили, что они умеют летать по воздуху, и это волшебное искусство, тогда считавшееся чем-то почетным, стало в христианскую эпоху представляться одним из мерзостных свойств ведьм. Народная вера в полеты ведьм является переработкой древнегерманских поверий, и она обязана своим происхождением отнюдь не христианству»²⁶.

Отзвук народной легенды отчетливо слышен в поэме Гейне:

Да и впрямь ведь королева,
Коль супруг ее – царь Ирод,
По ее лишь настоянью
Обезглавлен был Креститель.
За кровавое деянье
Обрекли ее носиться
Привидением полночным
Вплоть до светопреставленья.

Так как в Риме жен и дочерей нередко называли по имени хозяина дома, легко представить как Саломея, приемная дочь Ирода Антипы, стала Иродиадой.

Гейне неслучайно вспоминает Гёте в 18-й главе поэмы «Атта Тролль», когда перед его взором «кавалькада чертовщины / Пронеслась Тесниной Духов». Он узнает его «по блеску жизнерадостного зора», Вольфганг «с язычниками снова / Правит буйный праздник жизни». Это явный намек на Вальпургиеву ночь из «Фауста». Живой ироничный взгляд, близость к народному юмору характерны и для самого Гейне.

²⁴ Сю Э. Агасфер. Полное издание в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2010. С. 1126.

²⁵ Там же. С. 1129.

²⁶ Гейне Г. Духи стихий. С. 317.

Гейне продолжил линию, намеченную Гёте. У него центральным объектом изображения в фантазмагории «дикой охоты» является Иродиада, виновница смерти пророка. В Иванов день проносится она во время ночной охоты призраков вместе с богиней Дианой и феей Абундой, играя окровавленной головой пророка:

Кверху голову швыряет,
По-ребячьи забавляясь,
И на диво расторопно
Ловит сызнава, как мячик.

Мефистофелевская ирония, очевидно, проявляется в изображении трагической участи царицы Иудеи из Нового Завета. В то же время это, безусловно, романтический образ. В своих «Объяснениях» к либретто балета «Фауст» Гейне бросает упрек Гёте в том, чего скептик XVIII века «не способен был ни ощутить, ни понять!»²⁷. По его мнению, Гёте не следует духу народного сказания, он не испытывает благоговения и пиетета перед его внутренней душой. Гейне-романтику ненавистна обыденная действительность. Ему не нужна Гретхен. Здесь следует отметить еще одно утверждение Гёте, прозвучавшее в «Сне в Вальпургиеву ночь»: «Ведьмы севера милей / Девственниц Парнаса». Для романтика Гейне гораздо милее восточная красавица Иродиада, чем бывшая когда-то девственницей Диана или фея севера Абунда. Обращаясь к Иродиаде, лирический герой провозглашает:

Ты летишь за диким сонмом,
За Дианой, за Абундой,
За компанией, враждебной
И распятью, и страданью.
.....
По ночам! С тобой бок о бок
Мчался б я, Иродиада!
Ибо сердце полонила
Больше, чем богиня греков,
И сильнее, чем фея кельтов,
Ты мне, мертвая еврейка!

Баубо, Лилит, Диана, Иродиада – все они королевы ведьм, те, кто руководят ночными полетами призраков. Но если героини Гёте находятся среди подобных на шабаше, то у Гейне они в числе тех, кто участвует в «дикой охоте».

Отталкиваясь от Гёте, Гейне создает свой пантеон ведьм: «Как перепугалась бы фея Моргана, встретив немецкую ведьму, вымазанную притираниями и нагишом взлетающую верхом на помеле на Брокен. Эта гора – не веселый Авалон, а место сборищ всего дикого и мерзкого. На вершине горы восседает

²⁷ Гейне Г. Объяснения // Собр. соч. Т. 9. С. 26.

сатана в образе черного козла. Каждая ведьма со свечой в руке приближается к нему и лобызает его сзади, пониже спины»²⁸.

К образу немецких ведьм Гейне обращался неоднократно. Так, в «Объяснении» к либретто балета «Фауст» он писал: «Необходимо, однако, чтобы ведьмы прилетали на шабаш обязательно верхом на чем-либо из домашней утвари или каком-либо чудище. Немецкая ведьма пользуется обыкновенным помелом...»²⁹. Описывая в либретто к третьему действию шабаш ведьм в Вальпургиеву ночь, он детализирует: «Между тем являются новые гости, прилетающие верхом на помелах, навозных вилах и поварешках, а также приезжающие на кошках и волках»³⁰.

Конечно, Фауст, как его представляет Гейне, имеет мало общего с героем Гёте: «Он вообще проявляет отвращение ко всему этому скоморошескому кривлянию, проходящему перед его взором, ко всей этой готической вакханалии, которая представляет собой лишь грубое и низменное издевательство над церковным аскетизмом и противна ему не менее чем этот последний»³¹. Но Гейне в «Атта Троле» не изображает шабаш, его привлекает «дикая охота». Участники развлечения не немецкие ведьмы, а античная богиня Диана, фея из кельтских сказаний Абунда и прекрасная женщина Востока Иродиада.

Для Гейне ближе персонажи, связанные с легендой о поэте Тангейзере, те, кто согласно народным преданиям, находятся в гроте Венеры. О них он писал в либретто к балету «Богиня Диана». По мнению Гейне, Тангейзер является «cavalier servente» богини любви. Характерно, что в «Атта Троле» поэт выражает желание стать «поклонником» Иродиады:

Прикажи, – и я твой рыцарь,
Я твой cavalier servente,
И твой плащ носить я буду,
И сносить твои капризы.

Н.А. Жирмунская справедливо замечает, что в центре линии автора «стоит «сон в Иванову ночь» (главы 18 и 19) – картина дикой охоты с фантастическим видением романтической возлюбленной – безумной Иродиады»³². Но авторская линия, линия романтического героя отчетливее всего проявляется в 20 главе, где Гейне выражает страстное желание быть вместе с Иродиадой:

Я люблю тебя. Я знаю,
Как во мне трепещет сердце.
Так ответь же мне любовью,
Жизнь моя, Иродиада.
Так ответь же мне любовью!
Окровавленное блюдо

²⁸ Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. С. 28.

²⁹ Гейне Г. Объяснения. С. 42.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ Там же. С. 19.

³² Гейне Г. Атта Троль. Сон в летнюю ночь. С. 129.

С головой дурацкой выкинь!
Есть полакомей кусочки.

В либретто к балету «Богиня Диана» он упоминает Александра Македонского, Овидия, Готфрида Страсбургского, а вместе с ними короля Артура, датчанина Ожье и Вольфганга Гёте, тех, кого мы встретим в сцене дикой охоты в «Атта Троле». В храме богини Венеры находятся также Елена Спартанская, царица Савская, Юдифь, Клеопатра, героини бретонских и рыцарских сказаний, среди которых может быть фея Абунда, хотя она и не названа в либретто персонально как Диана и Иродиада.

Гейне в поэме практически не использует евангельское сказание. От сказания остается голова Иоанна на блюде и утверждение, что усечение головы произошло по просьбе Иродиады. Здесь нет упоминания о враждебном отношении Иродиады к Иоанну, нет речи о заключении пророка под стражу и причинах этого. Евангелие от Матфея сообщает: «Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему, не должно тебе иметь ее» (14: 3-4). В Евангелии от Марка прямо указывается: «Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла» (6:19). У Гейне нет этого озлобления: «Видно малость осерчала / И велела обезглавить».

В поэме не говорится о пиршестве в честь дня рождения Ирода Антипы, нет даже упоминания о знаменитом танце «семи покрывал» дочери Иродиады. Здесь полностью теряется содержание рассказа Марка и Матфея. Нет у Гейне и отсылки к Иосифу Флавию, который в «Иудейских древностях» называет безымянную дочь Иродиады Саломеей. Флавий утверждал, что казнь Иоанна была совершена исключительно по политическим соображениям: «Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу... не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаиваться, когда будет уже поздно»³³. Что касается Иродиады, то Флавий сообщает, что во время одной из поездок в Рим Ирод Антипа заехал к своему сводному брату и влюбился в его жену Иродиаду. Он предложил ей выйти за него замуж, она согласилась.

Все представленное Гейне соответствует не классическим, а народным переработкам легенды. Впрочем следует отметить, что в другом произведении, в стихотворении «Помарэ», помещенном в «Романсеро», Гейне изображает танец Саломеи:

Танцует. Боже, как стройна!
Как изгибается она!
О, легкий взлет, секунда дрожи!
Как будто рвется вон из кожи.
Танцует. Ножку вскинув вдруг,

³³ Флавий И. Иудейские древности : в 2 т. М. : АСТ : Ладомир, 2007. Т. 2. С. 318.

То вертится, за кругом круг,
То вдруг замрет, взмахнув рукою...
О боже, сжался надо мною!
Танцует. Смолкло все кругом...
Так перед Иродом-царем
Плясала дочь Иродиады,
На гибель обрекая взглядом.
Танцует... Женщина-змея!
Скажи, что должен сделать я?
Молчишь? Эй, слуги! Где Креститель?
Скорее голову рубите!³⁴

Общим для Гёте и Гейне, как уже отмечалось, является отсылка читателей к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». У Гёте в «Фаусте» спектакль, поставленный труппой бродячих актеров, называется «Сон в Вальпургиеву ночь». Но у Гёте в общей композиции поэмы этот эпизод, как отмечают многие исследователи его творчества, кажется необязательным. У Гейне созвучие с шекспировской комедией вынесено уже в подзаголовок к поэме: «Атта Троль. Сон в летнюю ночь». Здесь не приходится говорить о случайности обращения к Шекспиру, а через него и к Гёте. Жанр «сновидений» предполагает разорванность композиции, если, как считает О.В. Федунина, «повествование ведется от лица рассказчика, сон обычно выносится в другую главу»³⁵. У Гейне в главах 18–20 романтический акцент делается как на самой сцене всадников и всадниц, скачущих на охоту в сопровождении своры собак, так и на центральном образе «трилистника» – Иродиаде. Вовсе не спонтанно дается подзаголовок. В «Атта Троле» Шекспир находится среди тех, кто принимает участие в дикой охоте.

По чарующей улыбке
Угадал я, где тут Вильям,
Пуританами он также
Проклят был; он тоже грешный.

Романтическая комедия Шекспира по самому своему духу близка к ранним романтическим произведениям немецкого поэта. В «Признаниях» Гейне пишет: «Несмотря на мои смертоубийственные походы на романтизм, я все же всегда оставался романтиком и был им в большей степени, нежели сам подозревал»³⁶. Эта мысль неоднократно повторялась поэтом. Так, в январе 1846 года

³⁴ Нельзя не вспомнить строки из маленькой поэмы С.А. Есенина «Певущий зов»:

Пляши, Саломея, пляши!
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, –
Но близок твой час расплаты!

(апрель 1917 г.)

³⁵ Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, 2008. С. 240.

³⁶ Гейне Г. Признания // Собр. соч. Т. 9. С. 89.

Гейне пишет Августу Фарнгагену: «Тысячелетнему царству романтики наступил конец, и я сам был его последним сказочным королем, отрекшимся от престола. Четыре года назад, до того как я восстал против себя самого, меня еще страстно влекло желание погарцевать при лунном свете в обществе старых товарищей моих грез, и я написал «Атту Троля», лебединую песню заходящей эпохи...»³⁷.

На протяжении всего своего творческого пути Гейне обращался к созданиям Шекспира, трактовал и объяснял образы и характеры трагедий, хроник, комедий. Для него англичанин – всеобъемлющий гений. Подобным гением для него был и Гёте. Но высшая гениальность, считал он, присуща народному сознанию. «Все стихии прошлого», от прошлого далекого до прошлого настоящего, нашли отражение в его поэме «Атта Троль».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Аникст, А.А. «Фауст» Гёте [Текст] : литературный комментарий. – М. : Просвещение, 1979. – 240 с.
2. Гейне, Г. Атта Троль. Сон в летнюю ночь [Текст] / пер. с нем. П.М. Карпа. – Л. : Наука, 1978. – 160 с.
3. Гёте, И.В. Фауст : трагедия [Текст] // Гёте И.В. Фауст : трагедия ; Страдания юного Вертера : роман / пер. с нем. Б. Пастернака. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.
4. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции [Текст] / пер. с англ. К. Лукьяненко. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 1008 с.
5. Киньяр, П. Секс и страх [Текст]. – СПб. : Азбука классика, 2004. – 256 с.
6. Поэтика [Текст] : словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – 358 с.
7. Пронин, В.А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция [Текст]. – М. : Наука, 2011. – 256 с.
8. Савельев, К.Н. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление [Текст]. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. – 344 с.
9. Скотт, В. Письма о демонологии и колдовстве [Текст]. – М. : Эксмо, 2002. – 768 с.
10. Словарь символов [Текст] / авт.-сост. М.В. Адамчик. – Минск : Харвест, 2010. – 224 с.
11. Сю Эжен. Агасфер. Полное издание в одном томе [Текст]. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1277 с.
12. Флавий, И. Иудейские древности [Текст] : в 2 т. – М. : АСТ : Ладомир, 2007. – Т. 2. – 612 с.
13. Черноземова, Е.Н. Доктор Фауст по-английски. Актуализация образа Мерлина в литературе XX века [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2013. – № 4. – С. 99–109.
14. Nell, B. Salome and Herodias, a curious Mother' Day Story [Electronic resource]. – Mode of access : [http : // www. Ezine Articles. com/ Expert=Barbara Nell](http://www.EzineArticles.com/Expert=BarbaraNell).

³⁷ Генрих Гейне – Августу Фарнгагену, январь 1846 г. // Собр. соч. Т. 10. С. 191.

15. Pym, A. The Importance of Salome: Approaches to a Fin de siècle theme [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/41345555>.

REFERENCES

1. Anikst, A.A. «Faust» [Goethe «Faust»] [Text] : a literary comment. – M.: Education, 1979. – 240 p.
2. Heyne, H. Atta Troll. Son v letnyuyu noch [Atta Troll. Midsummer Night's Dream] [Text] // Leningrad : Science, 1978. – 160 p.
3. Gyote, I.V. Faust : tragediya [Faust : a tragedy] [Text] // Stradaniya yunogo Vertera. – The sorrows of Young Werther: a novel / translated by B. Pasternak. – M. : Eksmo, 2007. – 640 p.
4. Greyvs, R. Mifyi Drevney Gretsii [The Greek Myths] [Text] : Yekaterinburg : U-Faktoriya, 2007. – 1008 p.
5. Kinyar, P. Seks i strah [Sex and fear] [Text]. – Saint Petersburg : Alphabet Classics, 2004. – 256 p.
6. Poetika [Poetics] [Text] : slovar aktualnyih terminov i ponyatyi. – A dictionary of terms and concepts relevant [Text]. – M. : Kulagin's Publishing house, 2008. – 358 p.
7. Pronin, V.A. Poeziya Genriha Geyne: genezis i retseptsiya [Poetry of Heinrich Heine: genesis and reception] [Text]. – M. : Science, 2011. – 256 p.
8. Savelev, K.N. Literatura angliyskogo dekadansa: istoki, genezis, stanovlenie [English literature of decadence: origins, genesis, formation] [Text]. – Magnitogorsk, 2007. – 344 p.
9. Scott, V. Pisma o demonologii i koldovstve [Letters on demonology and witchcraft] [Text]. – M. : Eksmo, 2002. – 768 p.
10. Slovar simvolov [Dictionary of characters] [Text]. – Minsk : Harvest, 2010. – 224 p.
11. Syu Ezhen. Agasfer. Polnoe izdanie v odnom tome [Complete edition in one volume] [Text]. – M. : Alpha book, 2010. – 1277 p.
12. Flaviy, I. Iudeyskie drevnosti [Jewish antiquities] [Text] : in 2 vols. – M. : AST : Ladomir, 2007. – Vol. 2. – 612 p.
13. Chernozemova, E.N. Doktor Faust po-angliyski. Aktualizatsiya obraza Merlina v literature XX veka [Doctor Faustus in English Literature. Merlin in the Twentieth-Century Literature] [Text] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenin. – Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin. – 2013. – No. 4. – P. 99–109.
14. Nell, B. Salome and Herodias, a curious Mother's Day Story [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.EzineArticles.com/Expert=BarbaraNell>.
15. Pym, A. The Importance of Salome: Approaches to a Fin de siècle theme [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/41345555>.

V.G. Reshetov

THE ELEMENTS OF THE PAST IN HEINRICH HEINE'S POEM «ATTA TROLL: A MIDSUMMER NIGHT'S DREAM»

The paper analyzes three romantic chapters of Heinrich Heine's poem «Atta Troll: A Midsummer Night's Dream». The research centers on two folk holidays, namely the Walpurgis Night depicted by Goethe in «The First Walpurgis Night» and the Midsummer Night

depicted by Heine in «Atta Troll». The research shows that both German poets treat reality with irony close to folk humor. Heine continues Goethe's tradition. Heine's poem centers on the Biblical story of John the Baptist. According to Heine, Herodias has the prophet beheaded because he spurned her love. The romantic interpretation of the Biblical legend, based on folk tradition, influenced the subsequent authors' perception of the story of Herodias, Salome and John the Baptist. In folk tradition Herodias (a queen or a goddess) becomes a witch-ruler. Mephistophelean irony manifests itself through the tragic and undoubtedly romantic image of the queen of Judea.

Heine, Goethe, the Walpurgis Night, the Midsummer Night, folk tradition, romantic poetry, Herodias, John the Baptist, Baubo, Abunda.